

<В. Я. БРЮСОВ>

Мистические анархисты

Перед нами вторая книга «факельщиков» (см. «Весы» № 5, стр. 54). на этот раз — теоретическая: четыре статьи «зачинателя «Факелов», г. Георгия Чулкова о «мистическом анархизме» и вступление к ним апологета «Факелов» («Весы» № 6). г. Вяч. Иванова, о неприятии мира. «Факельщики» сами заявляют, что эта книга «являет конкретный пример формирования идей, их одушевляющих», и должна указать, какое место их «доктрина» — «притязает занять в ряду культурных факторов современности» (стр. 19–20). Итак, гг. «факельщики» хотят открыть свои карты. *A la bonne heure!* Им теперь останется пенять только на себя, если окажется, что у них на руках одни фоски. Им более нельзя будет сетовать на «разочарование» читателя, когда тот вместо «новых откровений, внушенных богами», на которые намекал г. Вяч. Иванов («Весы» № 6), или хотя бы просто новых взглядов, с которыми стоило бы спорить, найдет только несколько новых терминов в гряде очень старых мыслей.

Пробегая книгу, прежде всего видишь с изумлением, что содержание ее уже было — с поразительной точностью и похвальной краткостью — заранее изложено на страницах «Весов» самим г. Вяч Ивановым, в его апологии «Факелов». Чистосердечно повествуя о тех разговорах, какие он ведет с «зачинателем «Факелов», г. Вяч. Иванов пишет: «Он говорит мне: «мистический анархизм», я говорю ему: «неприятие мира, сверх-индивидуализм, мистический энергетизм», — и мы понимаем друг друга, и нам кажется, что у нас есть общая идейная почва для некоторого культурного дела». В сущности, ничего другого в книге и нет,

кроме этого домашнего диалога. «Он мне: «мистический анархизм», а я ему: «неприятие мира»; он мне: «мистический анархизм», а я ему: «сверх-индивидуализм»: он мне: «мистический анархизм», а я ему: «мистический энергетизм»« и т. д., и т. д. Только эти ярлычки и клички и составляют непререкаемую ответственность новой книги, а на все остальное, включенное в нее, вероятно, предъявят свое законное право немало владельцев. «И мы понимаем друг друга», добавляет г. Вяч Иванов, описав свои разговоры. Отчего же нет! «И нам кажется, что у нас есть общая идейная почва для некоторого культурного дела». Этого нам никак не «кажется», и их почва представляется нам крайне зыбкой и топкой.

Вступительная статья, где г. Вяч. Иванов рекомендует г. Георгия Чулкова как «впервые употребившего термин *мистический анархизм*» (стр. 16), пожалуй, и оставляет дело «мистических анархистов» под некоторым сомнением. (Именно «дело мистических анархистов», потому что никакой — их «доктрины» нет, а есть «тяжба» «факельщиков» с читателями «Факелов»; читатели утверждают: вам нечего сказать нам, поскольку вы именно «мистические анархисты», а не «символисты», не «декаденты», не «писатели-реалисты», не «социалисты»; «факельщики» же тщатся доказать противное.) Написана статья обычным для г. Вяч. Иванова языком, строгим, выработанным, но зато очень тяжелым и очень темным. Отвлечения громоздятся на отвлечения, понятия нередко берутся в особом смысле, понятном только постоянным читателям г. Вяч. Иванова. «Его атеизм — неспособность к сверхличной воле, безволие в категории сверхличного» (стр. 11), «мистический анархизм — лишь формальная категория современного сознания, взятого в его динамическом аспекте» (стр. 20) — в шумихе таких фраз действительно кажется, что статья нечто выясняет. Нескольким не лишенным интереса мыслям (не относящихся, однако, прямо к вопросу), вставленных там и сям, довершают иллюзию. Если бы книга тем и кончалась, «мистический анархизм» имел бы по крайней мере соблазн чего-то малоизвестного. Но тотчас за вступительной статьей следуют неосторожные признания г. Георгия Чулкова, и «дело» сразу становится безнадежно ясным. На страницах г. Георгия Чулкова неопределенные ценности, о сокровенном существовании которых заявлял г. Вяч. Иванов, разменены на медные пяточки газетных фельетонов, и после этого гг. «мистические анархисты» не могут не признать себя банкротами.

Много есть разного в этих статьях г. Георгия Чулкова «о мистическом анархизме». Здесь и общие места из «сегодняшней» литературы; «душная атмосфера православия», «постыдно склонить голову пред лицом эмпирической государственности», «старый буржуазный порядок надо уничтожить», и щедрые позаимствования у Д. С. Мережковского — его сопоставления, им выбранные цитаты, им поставленные вопросы, и вольное переложение идей Вл. Соловьева, и слова Достоевского, Ницше, Ибсена... Но напрасно ждешь хоть одной самостоятельной мысли, хоть одного оригинального положения, автором которого был бы не кто другой, а г. Георгий Чулков, «зачинатель «Факелов». Увы! за ним остается только одно авторское право: на «впервые употребленный им термин *мистический анархизм*».

Статьи же его, при анализе, легко распадаются на свои составные части: анархическое учение, изложенное согласно с популярными брошюрами по этому вопросу, несколько элементарных истин индийской философии, которые можно найти в любом учебнике, и изложение взглядов Вл. Соловьева о победе над смертью. Таково все содержание статей г. Георгия Чулкова, а, следовательно, и «мистического анархизма». Оно заключено в шелуху банальных выкриков: «ныне наступает время точнее определить» (стр. 31), «возврата нет» (стр. 75), «мы зачинатели нового творчества» (стр. 79). Нам вспоминается, как года три-четыре назад французский поэт Поль Фор издал сборник «стихотворений в прозе» и как любезный Пьер Луис заявлял по этому поводу в предисловии к сборнику приблизительно так: «До сих пор существовали только две формы: стихи и проза, отныне человечество имеет третью!» Но у П. Луиса было свое оправдание: баллады Поля Фора не лишены оригинальности!

Ничего похожего на оригинальность в статьях г. Георгия Чулкова усмотреть невозможно. Его утверждения, в противоположность положениям г. Вяч. Иванова, очень ясны, но вместе с тем... очень известны. И тоскующим взором читатель утомленно пробегает давно и давно знакомые ему истины и заблуждения. «Последовательный анархист, — поучает, например, г. Георгий Чулков в конце своей первой статьи, — должен отрицать не только государство, но и самый мир, поскольку он хаотичен, множествен и смертен» (стр. 31). Позвольте, восклицает изумленный читатель, отрицание мира в его хаотичности, множественности и смертности, да ведь это же смысл почти всех религий! Разве

не то же самое слова ап. Павла «Единем человеком грех в мир вниде и грехом смерть»? Разве не то же все учение браманизма? — «Совершенно верно, — вмешивается г. Вяч. Иванов, — но идея неприятия мира, поскольку она не стара, как богоборствующее человечество, как Иов, как Иван Карамазов, родилась в моей голове» («Весы» № 6). Читатель изумлен опять: как в голове г. Вяч. Иванова может «родиться» — «идея, старая, как Иов»? Однако память говорит, что сходное происшествие имело место в веках прошедших, когда Афина Паллада родилась вооруженной из головы Зевса. Утешенный такой аналогией, читатель опять пускается в путь по вязким страницам прозы г. Георгия Чулкова, в надежде повстречать где-нибудь и юную идею, хотя бы даже рожденную из бедра, как Вакх. Надежда везде оказывается тщетной! Со всех страниц выглядывают все те же дряхлые и седобородые Иовы: «за личиной множественного и страдающего мира скрывается начало непреходящей гармонии» (стр. 44), «*новая земля* явится не как *духовный* мир, чуждый нашей жизни, а как мир, освобожденный от смерти» (стр. 66), «абсолютное и наше мистическое *я* есть одно и то же начало» (стр. 74). Все эти мысли, конечно, не лишены значения, но они твердились и развивались мистиками всех веков и стран. Может быть, эти Иовы и родились вторично в голове г. Георгия Чулкова, но такое перерождение называется усвоением прочитанного, а никак не открытием нового пути, «пути опасного, пути крайнего, на краю бездны». Итак, все дело в том, что г. Георгий Чулков изучает мистиков и перелагает своими словами их мысли? Ах, гг. «факельщики»!

К чему ж такую подняли тревогу,
Скликали рать и с похвальбою шли?

Впрочем, сам г. Георгий Чулков делает вид, что он не излагает идеи Кропоткина, Вл. Соловьева, буддизма, — а сражается с ними. Но эти сражения показывают только его малое знакомство с теми, кого он считает своими побежденными противниками. Мы видели, например, что он отрицал мир за его «хаотичность, множественность и смертность». Из этого — ясный вывод, что идеал г. Георгия Чулкова — мир бессмертия, приведенный к полной гармонии и единству. Как известно, таков именно идеал, который ставят вселенной философские учения Индии. Между тем г. Георгий Чулков победоносно заявляет: «Неприятие мира для современного сознания (читай: для мистического анархиста) имеет совершенно

иное значение, чем для сознания буддиста. Высшее блаженство заключается в том, чтобы победить свое упрямое я — вот мудрость буддизма. Высшее блаженство заключается в том, чтобы утвердить свое мистическое я — вот заповедь нашего времени. Буддизм знает освобождение, но не знает утверждения». Послушаем, однако, что говорит человек, действительно знакомый с учениями Индии: «На плане nirvana единая сила выражается состоянием чистой сущности, единения со всем сущим. План nirvana это граница, которая существует *внутри* нас, а не во вселенной. Nirvana для нашего восприятия то же, что солнце для слепого» (Брамана Чаттерджи. Сокровенные учения Индии). Разве «состояние чистой сущности в единении со всем сущим» не есть то самое «утверждение своего мистического я», та победа над хаотичностью, множественностью и смертностью, о которой от своего имени хлопочет г. Георгий Чулков? Разумеется, Чаттерджи ничего не говорит и не может говорить об утверждении личного я, но надо надеяться, что и г. Георгий Чулков под «мистическим я» понимает не «личное я», если только он не позабыл своего собственного отрицания мира за его *множественность*.

Вообще с г. Георгием Чулковым возможна только одна форма спора: надо разбирать его книгу, как мозаику, камешек за камешком, отдавая каждый по принадлежности их разнообразным владельцам: Кропоткину, Бакунину, В. Розанову, Д. Мережковскому, Вл. Соловьеву, Ф. Достоевскому. Но занятие это à la longue² было бы высоко бесполезным, потому что маленькая анархическая бомбочка, смастеренная г. Георгием Чулковым, не представляет ни для кого никакой опасности: она начинена не взрывчатым веществом, а слабым раствором позаимствованного мистицизма.

Аврелий.

P. S.

Свою предыдущую «веху» я посвятил разбору первой книги «Факелов», на которую указывал как на первую манифестацию «мистических анархистов» («Весы» № 5). В своей апологии «Факелов» («Весы» № 6) г. Вяч. Иванов с негодованием возражал мне, что установление связи между «Факелами» и прежними статьями г. Георгия Чулкова есть «мое собственное, мистическое (ибо не доказуемое) прозрение». Я и в свое время мог бы сослаться на то, что под «Факелами» стояла подпись «редактор-издатель

Георгий Чулков» и что довольно естественно искать связи между направлением издания и идеями его редактора, — теперь же, после появления второй книги к-ва «Факелов», даже и в этом нет надобности. Возражение г. Вяч. Иванова остается рассматривать исключительно как полемический прием, относя его к разряду тех, которые на юридическом языке называются «отводом».

